

Ирина Гуринович — Юлия Чурко:

ДЕТЕКТИВ НА ПУАНТАХ

«Беларусь сегодня» («Советская Белоруссия»)

4 августа 2006

То, что музыка и хореография — виды искусства, наименее поддающиеся словесному переводу, понятно всем. Их даже называют из-за этого очень поэтично — несказанными. Поэтому я и представить себе не могла, что исследования в области хореографии можно читать как захватывающую публицистику, до тех пор пока не прочла на одном дыхании субъективные заметки о современной хореографии. «Линия, уходящая в бесконечность» Юлии Михайловны Чурко. Мир танца предстал передо мной как драма, как детектив, как поэтическая поэма...

Такое дается только большому профессионалу, таланту, человеку, способному мыслить парадоксально. Юлия Михайловна умудрилась если не парадоксально, то удивительно построить и свою жизнь.

Вы часто встречали балерину, танцующую главные партии на главной балетной сцене страны (напомню, это многочасовые дневные репетиции, вечерние спектакли, требующие пика физической и эмоциональной готовности, кулуарные передряги, бешеная конкуренция внутри труппы) и одновременно «без отрыва от производства» заочно оканчивающую сначала журфак БГУ, а затем академическую аспирантуру? Через 12 лет на сцене, в свои 27 лет, Юлия окончательно решает поменять амплу, приведя в полное расстройство знаменитую тетушку — балерину, народную артистку БССР Николаеву.

Каков итог? Юлия Михайловна сейчас доктор наук, заведующая кафедрой хореографии Белорусской академии музыки, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств. Чурко — автор серьезных монографий, посвященных белорусскому хореографическому фольклору, классическому балету, модерну. Замечу и такой момент: Юлия Михайловна многие годы «вылетала» из экспедиций, исследуя белорусский танцевальный фольклор. Как говорят специалисты, ее киноархив сегодня не имеет цены. Она — либреттист. Постановщик. Один из авторов, как писали критики, «шокирующей» новинки — балетного пародного триллера под названием «Круговерть», представленного на главной балетной сцене страны и горячо воспринятого публикой (к сожалению зрителя, почему-то быстро убранного из репертуара театра).

Мало того, неумная Чурко недавно дебютировала опять в новом амплуа — как романист и автор балетного детектива.

В чем еще Юлия Михайловна решит себя попробовать — покажет время. Но есть предположение: опять что-то затевает. А пока «СБ» задает Чурко свои 50 вопросов.

— *Юлия Михайловна, как вы сами представили бы себя читателям?*

— Очень работающая, неглупая, пытающаяся прыгнуть выше себя женщина.

— *О чем больше всего мечтали в детстве?*

— Не поверите! Я с детства считала самым фантастическим занятием писательство. И всю жизнь тайно мечтала об этом, отгоняя от себя это право: мол, сие — для небожителей. Поэтому сначала скромно пробовала свои силы в искусствоведении. И вот только недавно разрешила себе написать первый роман.

— *Чьим мнением дорожите больше всего в своей работе?*

— Своим.

— *В каких человеческих слабостях вы не можете себе отказать?*

— Стыдно признаться, но буду честной. Когда у меня появляется свободное время, я концентрируюсь и думаю: ну чем бы это заняться таким женским, приятным? И ловлю себя на мысли,

что мне больше всего хочется закончить недописанную работу..
Каюсь! Чувствую себя ущербной от этого.

— *На что не жаль потратить миллион?*

— На издание собственных книг.

— *Интеллигентность. Что это такое в вашем понимании?*

— Это терпимость к разным стилям, вкусам, человеческим проявлениям.

— *Повлияло ли на ваш характер созвездие, под которым вы родились?*

— Не верю, как говорят, ни в Бога, ни в черта. Мне по душе чья-то мысль: понятливых судьба ведет, а упрямцев — тащит. Человек — хозяин судьбы, я это твердо усвоила еще в детстве. Каждый день жизнь заставляет человека делать выбор. Вот от того, как он это делает — и зависит, каков он сам, какова его судьба. Поэтому безразлично, под какой звездой ты рожден. Хотя недавно я написала книгу о магии «Черно-белая магия, или Полосатая жизнь». Покопалась в специальной литературе и обнаружила там столько невероятного, что в какой-то момент была уже готова поверить в чудеса.

— *А в удачу вы верите?*

— Как правило, люди удачу не замечают. Она может долго ходить за человеком по пятам, очень часто валяться под ногами, заглядывать в глаза... Ее надо уметь рассмотреть.

— *Всегда ли вы говорите то, что думаете?*

— Конечно, нет.

— *Что вам легче, подняться в 6 утра или лечь в 4?*

— Подняться в 5 — это норма для меня.

— *Кого вы предпочитаете держать в доме — кошку или собаку?*

— Была у нас потрясающая собака — черный терьер. Мы ее до сих пор помним. Ее звали, как и меня. Только я — Юлия, а она — Джулия. 10 лет это создание дарило нам радость. Мы горюем по ней...

— *От кого вы устаете больше всего?*

— От себя.

— *Белорусский балет — это яркие личности: Людмила Бржозовская, Юрий Троян, Виктор Саркисян, два Владимира — Комков*

и Иванов, Инесса Душкевич и, конечно, Валентин Елизарьев, после блистательных премьер которого («Сотворение мира», «Тиль Уленшпигель», «Спартак», «Болеро») мы вступили в полосу застоя. Вы согласны?

— Говорят, как это ни грустно, все пути с вершины ведут вниз. Живые люди не могут все время стоять на самом верху, там развеваются лишь флаги. У каждого явления есть начало, кульминация и закат. Будем ждать следующего восхода...

— Со страниц журналов и газет сейчас упорно говорят об ослаблении «народной струи» в профессиональных коллективах. Ваша точка зрения?

— Это происходит везде на территории бывшего Союза. В России, например, повторяют прекрасные постановки, созданные корифеями жанра народно-сценической хореографии — того же Игоря Моисеева, Надежды Надеждиной, а на новые не хватает как субъективных, так и объективных условий. Что-то не видно талантов их масштаба, да и где теперь оптимизм, дружба народов, вера в идеалы, так мощно питавших творчество раньше. Народные элементы интерпретируются ныне в мюзик-холльном варианте, в синтезе с модерном. Да и вообще, фольклор и сцена — это сложная, многогранная тема, здесь много тонкостей. Этим под силу заниматься суперпрофессионалам. А где их взять?

— Есть ли в жизни вечная любовь?

— Любовь в широком смысле, конечно, вечна. Любовь к конкретному человеку может длиться всю жизнь, если она трансформируется и видоизменяется. Знаете, вообще-то меня раздражает повиившаяся в последнее время тенденция во главу угла жизни человека ставить любовь. Ох-ох-ох! Без любви нет жизни... Вот без труда, в том числе и духовного, ее действительно нет...

— Юлия Михайловна, вы бы хотели, если вдруг появилась бы такая чудесная возможность, стать снова молодой?

— Ну и вопрос! Знаете, я всю жизнь делала только то, что надо, а не то, что хоч. И вот если задуматься и представить, что мне заново надо пройти эту жизнь... Нет! Пожалуй, я уже нажилась. Но не подумайте, что мне надоело жить. Именно в зрелые годы я начала себя

чувствовать счастливой. Пусть у меня никогда не было и не будет машины, мягкой, из нежного меха шубки, просторных апартаментов — мне этого сейчас уже не надо. Зато есть внутренний покой — вот счастье, которое всегда со мной!

— *Когда вы последний раз хохотали от души?*

— Сегодня утром. Я в очередной раз, как это любят частенько делать жены, начала мужу пенять на его несовершенство, на то, что он — не ангел. В этот раз у него был затянувшийся мальчишник. Он как-то подозрительно внимательно на утро слушал мои пассажи, а потом сказал: «А если бы я стал ангелом, у меня выросли бы крылья, и я б от тебя улетел!»

— *При каких обстоятельствах вы познакомились с нашей газетой?*

— Вашей газете впору меня держать за своего человека. Дело в том, что в 1970–1980-е годы я была рецензентом «СБ». Заведующий отделом культуры Роман Алексеевич Ерохин доверил вашей покорной слуге высказывать свое мнение по поводу всего происходящего в мире танца. У меня до сих пор где-то хранятся десятки рецензий. Мы тогда лихо работали и ругались, не стеснялись критики.

— *Юлия Михайловна, на ваш взгляд, куда делась наша самодеятельность? Самодеятельное танцевальное творчество за последние десятилетия таяло, как шагрeneвая кожа. Как вам видится этот процесс?*

— Раньше люди шли в художественные коллективы за творчеством, общением, занятием искусством. А сейчас они больше озабочены другим: выживанием. Бескорыстие, энтузиазм — сегодня большая роскошь.

— *Вы — человек разносторонний, но все-таки, как созрели до романов?*

— Все имеет, как я уже сказала, свое начало и конец. Не упомянула только стадии между ними. А они есть. Я была страстно увлечена балетом, потом фольклором, потом модерном. Написала о них все, что знала. Теперь вот так же сошла с ума на другой почве. И знаю ведь, что сегодня почти никто ничего не читает, что мои романы никому не нужны. Но! Они нужны мне. В них — главное

в моей жизни. Я до них, как вы правильно сказали, именно созрела. Наверное, после литературы заболела бы еще чем-нибудь, но, видно, уже поздно.

— Не могли бы вы назвать произведения искусства, которые вызвали у вас своеобразную эйфорию духа?

— Это со мной происходило, когда я читала произведения Юрия Трифонова, слушала песни Владимира Высоцкого, смотрела балеты Бориса Эйфмана.

— Признайтесь, Юлия Михайловна, как именно вам удалось получить у такого известного питерца Эйфмана (о котором крупный американский критик во время гастролей Санкт-Петербургского балета в Америке написала: «Балетный мир, ищущий главного балетмейстера, может прекратить поиск. Он есть, это Борис Эйфман, 51-летний россиянин из Санкт-Петербурга») разрешение написать книгу о нем?

— Борис Яковлевич имел возможность выбирать автора, вы уж мне поверьте. Но он прочел небольшое эссе о нем в моей книге «Линия, уходящая в бесконечность» и доверился. Он очень строгий человек прежде всего к себе и, конечно, к тем, с кем работает. Как сказал его друг Т. Мурванидзе, главный художник Мариинского театра, об Эйфмане: «С ним легко пить чай, но в творчестве он безумен». Представляете, с каким настроением я бралась за написание книги?

— И она удалась! Поздравляю... Значит, ответ на заготовленный мной вопрос: «Хореограф, перед которым вы снимаете шляпу?» — ясен...

— Мне кажется необходимым продолжить список. Для меня главное имя — Борис Эйфман. Но есть еще несколько человек, составивших славу хореографии своих стран. В Беларуси это, конечно, Книзарьев, в России — Григорович, в Америке — Баланчин, во Франции — Бежар. Среди талантливейших — швед Матс Эк, чех Иржи Килиан, американец Джон Ноймайер. На этом поставлю точку.

— Вы давно преподаете в вузе. Не могли бы сформулировать ответ на вопрос: кто такой учитель?

— Начну с того, что учитель появляется тогда, когда учителем тебя называют ученики. По-моему, только они и могут оценить —

дал ты им что-то или нет. Вот, например, меня мои учителя научили главному: любая открытая истина представляет только часть ее.

— *Ваши многочисленные экспедиции по белорусской глубинке, чисто в человеческом плане, как открыли для вас Беларусь?*

— Я обожала экспедиции за возможность встречаться с очень теплыми, искренними, открытыми, талантливыми людьми.

Вот зарисовка. Вечер. Коров гонят с пастбищ, чтобы подоить. К этому времени мои студенты уже клюют носами. А сельские женщины, быстренько прихорошившись, расцветая лицами, собираются к нам, «под юпитеры». Поют, с удовольствием танцуют, на стол несут все лучшее, что у них есть. И тебя захлестывает пронзительное чувство — вот настоящая жизнь, безыскусная, ясная.

Я часто возвращаюсь к тем дням и каждый раз обнаруживаю даже для себя в них что-то неувиденное прежде. А сколько на пленках движений, трюков, которые никогда еще не появлялись на сценах!

Например, до сих пор восхищаюсь номерами «Жабка» и «Коза», записанными в то время. Танцевали нам эти самобытные танцы 75-летние женщины. Поднимали поочередно друг друга за юбки, да так, что каждая из них оказывалась вниз головой. Мы потом пытались с молодыми танцовщицами повторить — не удавалось! Мужчины справились еле-еле. А один дедок делал так присядку, так садился в пол, что повторить это еще, наверное, не скоро кто-то решится. Жаль, что наши хореографы редко ходят за идеями в народ, а предпочитают более легкие пути...

— *Я помню 1996 год — национальный фестиваль «Музыка и театр», на котором состоялась премьера вашего в соавторстве с В. Ивановым (постановка), Ю. Залётневым (музыка) балета «Круговерть». Помню свои впечатления. Мне тогда созданный вами на сцене хоровод напоминал какое-то таинственно-космическое действо, в которое вовлечен человек. Это было так ново для нашей балетной сцены! Это был синтез хореографии, музыки с фольклорными балладами с их глубинной народной сутью. Признаюсь, у меня мурашки бежали по телу. Мне бы очень хотелось еще и еще раз это посмотреть, обдумать, испытать вовлеченность в действие... Но нет. «Круговерть» исчезла...*

— Балет шел в основном на утренниках и не давал нужных сборов. Шел в паре с «Привалом кавалерии». Надо признать: оба балета не для детей. Баллады, вы знаете, что это за жанр. Наш соавтор композитор Олег Залётнев предложил назвать его триллером. И это оказалось правильным. Я бы на месте родителей, приводивших детей на эту репертуарную пару, вообще бы подала жалобу...

— *Кстати, а как сохраняются балеты? Музыка хранится в нотках, романы — в словах...*

— А балеты улетают дымкой... Слава Богу, сейчас появились видеокассеты. Старинные же балеты передавались поколениями «с ног на ноги».

— *Где вы чаще всего встречаетесь с друзьями?*

— Увы, на работе.

— *В какой стране вам хотелось побывать и почему?*

— В Японии. Я сейчас пишу книгу, где мой герой имеет японские корни. Я уже начиталась вдоволь, не мешало бы и увидеть страну воочию.

— *Какую книгу вы прочли недавно и ваше впечатление?*

— Как пишущий человек, купила последние бестселлеры, которые на слуху, Оксаны Робски, написавшей нечто о Рублевке. Очень слабо с точки зрения литературы. Но очень интересно, как там живут нынешние российские гламурные героини. Почитала модного Паоло Коэльо, его «Одиннадцать минут». Забавно, что кургизанка рассуждает у него как умудренный жизнью философ. А вот кто меня поразил, был интересен во всех отношениях, так это Михаил Веллер. Мыслит блистательно, излагает потрясающе!

— *У кого конкретно и что именно вы спросили, если бы появилась возможность пообщаться с самыми известными личностями нашего времени.*

— Не знаю, к кому обратиться вопрос. Но спросила бы: есть ли неземные цивилизации?

— *Вы хорошо знаете свою родословную?*

— Достаточно. Скажу только, что мои предки из псковских и новгородских земель. Они из простонародья. Дед — сапожник, бабушка — прачка. Я — интеллигент, как говорится, в первом поколении.

— *Самый счастливый день в вашей жизни?*

— Я скажу о счастливых моментах. Они связаны, хотя я не люблю этого слова — оно слишком высокопарно, — с творчеством. Вот ставишь перед собой какую-то задачу — и работаешь... Вот вам и счастье!

— *Что вы чувствуете в обществе молодых людей?*

— Я люблю общаться с молодежью, но для этого надо все время бежать за временем. Когда я начинала педагогическую деятельность и читала эстетику, то была поставлена в сложные обстоятельства — разработала лекцию, прочла, следующую надо готовить опять с колес. Студенты это моментально усекли, и какая-то «вьеда» встает и задает мне вопрос: «Объясните, пожалуйста, в чем суть такого-то направления», — и называет слово, которое для меня ничего не говорит. Я как молодой педагог страшно смутилась, растерялась, покрылась красными пятнами...

Сейчас бы предложила студентам вместе со мной поискать ответ. А тогда... Короче, я перерыла все, что можно. И поняла — меня разыграли... Люблю молодых...

— *Как часто и по какому поводу вы бываете недовольны собой?*

— Часто. Но не скажу, по какому поводу. Должна же быть у женщины какая-то тайна.

— *Хореографический модерн так долго не пускали на наши сцены. Наконец он прорвался. И что?*

— Он обогатил хореографию, это бесспорно. Но его претензии на то, что он лучший или единственный, беспочвенны, как и всех других направлений в искусстве.

— *Часто ли вам приходится занимать деньги?*

— Раньше регулярно, сейчас нет.

— *Что такое красивая женщина, по-вашему?*

— Как для человека, воспитанного в советское время, для меня красота — это прежде всего внутренний мир. Можно я лучше отвечу вам на вопрос: что такое некрасивая женщина? Это я. Почему так категорична? Я же все-таки балерина, хоть и бывшая — в меня вбиты стандарты совершенной фигуры. А я взяла и расплнела, в довершение ко всему еще и захромала. И поэтому совсем не нравлюсь себе.

— *А проблемы с ногами — это дань балету?*

— Балет — очень тяжелый труд. Поэтому у танцоров очень часто проблемы с ногами и спиной. В то же время многие балерины живут очень долго. Например, Марина Семенова, Галина Уланова, Ольга Лепешинская...

— *Как вы заботитесь о собственном здоровье?*

— Ровным счетом никак. Хотя понимаю — надо соблюдать диету, заниматься физкультурой, не говоря уж о модных сра-процедурах. Я себя спрашиваю: а зачем? Мне ведь стукнуло 70! Бороться за долгожительство я не намерена. Оставшееся время хочу посвятить другому — тому, что мне нравится гораздо больше, чем бессмысленные хлопоты о здоровье.

— *Летаете ли во сне?*

— По молодости парила. До сих пор помню эти сказочные ощущения.

— *Когда у вас плохое настроение, что вы делаете?*

— Может быть, вам покажется странным — у меня сейчас очень редко плохое настроение. Возможно, потому, что меня оставили в покое те, кто следил, чтобы я сильно не выпячивалась... Мой возраст придал мне какую-то устойчивость. Сижу довольная, кропаю что-то — всем хорошо.

— *Еще недавно советский балет был самым лучшим, «впереди планеты всей». Как чувствует себя классическая хореография на пространстве СНГ в постперестроечный период?*

— Чисто классический балет, то есть решенный средствами академического танца, — это классика, наследие — «Лебединое озеро», «Жизель», «Баядерка», «Дон Кихот», «Тщетная предосторожность», «Спящая красавица» и немногие другие. Сегодня же хореографы стремятся соединять в своей лексике много разных пластов, используя другие виды искусства. Поэтому как о современной хореографии мы говорим о той, где лишь одной из составляющих является академический танец. И это хорошо и правильно. Но на деле же это удастся далеко не всем. Крайне слабой мне видится, к примеру, последняя работа нашей балетной труппы с приглашенным хореографом «Любовь под вязами». Так что обозримый балет чувствует себя пока неважно.

— *Ваше любимое блюдо, танец, наряд, музыкальное произведение, праздник?*

— Блюдо — драники. Танец... Здесь я в растерянности, так как их становится все меньше, видно, теряю любовь к хореографии. Наряд — вынужденно черный, питаю иллюзии, что этот цвет скрывает изъяны фигуры. Музыкальное произведение — в растерянности, так как их становится все больше, возможно, набираюсь любви. Праздник — Новый год.

— *Что значит, по-вашему, уметь жить?*

— Римма Казакова написала как-то такие строки:

*«Не хочу я быть старухой
и не буду!
В силу разных качеств личных
затаенных.
Буду девушкой — обычных
лет преклонных».*

Это как присказка, а если всерьез, то уметь жить — значит, добиваться таких обстоятельств, в которых ты мог бы делать то, что хочешь.

— *Витебск — место, где родился авангардизм. Здесь проходит единственный на территории СНГ фестиваль авангардной хореографии. Вы старались их не пропускать, как мне кажется. Чем интригует вас фестиваль?*

— Раньше не пропускала, теперь пути разошлись. Я не согласилась с идеологией фестиваля, с оценкой творчества гродненца Дмитрия Куракулова — самого талантливого, на мой взгляд, из наших белорусских балетмейстеров. Но сейчас, думаю, что это был только повод. Причина глубже: то ли я потеряла интерес к модерну, то ли он пережил пик своей креативности.

— *Чего категорически нельзя делать в вашей семье?*

— Командовать.

— *Что бы вы сделали в первую очередь, будь главой государства?*

— Стала бы несчастной. Ничего не успела бы, потому что умерла бы от ответственности.

- *Какое место на земле вам милее всего?*
- Минск, затем Санкт-Петербург.
- *Вопрос, который вы хотели бы задать себе и ваш ответ?*
- Ну и что же такое жизнь? И мой ответ — сладкое и краткое свидание с Землей.

Татьяна Мушинская — Юлия Чурко

К 85-ЛЕТИЮ

2021 г.

В каждом виде творчества существует на самом деле очень мало тех авторитетных специалистов, которых знают все, кто так или иначе профессионально своими ежедневными заботами связан с этим видом и жанром. Юлию Михайловну Чурко, доктора искусствоведения и профессора, знают все, кто в Беларуси имеет отношение к танцу. Причем танцу самому разному — академическому, народному, бальному, contemporary dance. Знают артисты и солисты балета наших театров, хореографы, дирижеры, репетиторы. Студенты и преподаватели Белорусской академии музыки и Университета культуры и искусств. Теоретики и практики. Культурологи, историки культуры, менеджеры фестивалей и руководители хореографических коллективов.

Статьи и рецензии, написанные Юлией Чурко оперативно, блестящим слогом, всегда читались профессиональной публикой внимательно, а иногда и придирчиво. К ее выступлениям на обсуждении фестивальных программ, жюри конкурсов всегда прислушивалось. Ее многочисленные монографии до сих пор штудируют, анализируют, к ним обращаются. Почему? Да потому, что они дают срез и панораму развития танца в Беларуси на протяжении всего XX века.

Как объяснить такой феномен? Исключительно профессионализмом. Интеллектуальностью, широчайшей эрудицией. Умением